

Отиравшийся от причастности к «Гавриилиаде» П., конечно, один только и мог быть ее автором. Брюсов заметил, что, сомневаясь в пушкинском авторстве, мы допускаем существование равно-го П. поэта в его время... Повествование более чем возмутительное, но стихи, во всяком случае, роскошные. Иные — у всех на устах. Например: «Поговорим о странностях любви...» Иногда ведь забывается, откуда это. Апрель 1821 года. Поэт так еще молод, его сильная чувственность естественна. В споре с небесами сей дерзкий юноша — не еретик, а язычник, эллинист: «И Царь небес, не говоря ни слова, С престола встал и манием бровей Всех удалил, как древний бог Гомера, когда смирял бесчисленных детей».

В этой поэме столько возрожденческого бесстыдства, что нельзя избавиться от мысли о ренессансной Италии. Пусть как нечестивая пародия, но «Гавриилиада» все-таки похожа на «Божественную комедию», благочестивую почти во всем. Прежде всего сходна решительным вторжением личных воспоминаний, реальной жизни в область мирового мифа, в предание. Это особенно наглядно в черновом (сохраненном лицейским однокашником) описании: «Вы помните ль то розовое поле, Друзья мои, где красною весной, Оставя класс, резвились мы на воле И тешили отважною борьбой?» Многочисленные мандельштамовские стихи о бегунах в окрестностях Вероны, о флорентийских молодчиках и шеголях находятся в каком-то осязаемом родстве с «Гавриилиадой». Таким образом, запретная вещь свое воздействие на движение поэзии оказала. А вот П. менялся, и раскаяние (конечно, искреннее) наступило скоро. И продолжилось, очевидно, до предсмертной исповеди... Поэты часто предсказывают свою судьбу в стихах, и есть ощущение, что именно в «Гавриилиаде» П. что-то дурное себе напрогнозировал. Устами беса он издевался над Писанием: «Но я, поверь, — историк не придворный...» Любопытно, что П. все же пришлось стать придворным историографом (иное дело, что он остался свободен и в этом звании). Есть роковое в изображении «затянутого адъютанта», красующегося перед Марией Гавриилы: «Кто сей в толпе придворных молодых С нее очей не сводит голубых? Пернатый шлем, роскошные уборы, Сиянье крыл и локонов златых, Высокий стан, взор томный и стыдливый, — Всё нравится Марии молчаливой». Почему-то мерещится голубоглазый и белокурый красавец Дантес, который еще явится на беду семье Пушкиных. И с годами заключительные слова поэмы стали жальными: «Спокойный сон, в супружестве уверенье, В семействе мир и к ближнему любовь!»

Решимся ли заявить, что «Бахчисарайский фонтан» — поэма, не слишком удавшаяся? Но признавался в этом сам П., ставя выше всего своего сочинения любимое изречение Саади, ставшее эпиграфом: «Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече». Но не могло не быть отдельных прекрасных мест, строк, и совершенно восхитительна концовка с описанием чувств путника в Крыму, с этой «зеленеющей влагой», которая «Пред ним и блещет и шумит Вокруг утесов Аю-Дага...» Такое же высокое вдохновение и в финале «Кавказского пленника»: «И перед ним уже в туманах Сверкали русские штывы, И окликались на курганах сторожевые казаки». Это так здорово, что, пожалуй, превосходит все предыдущее.

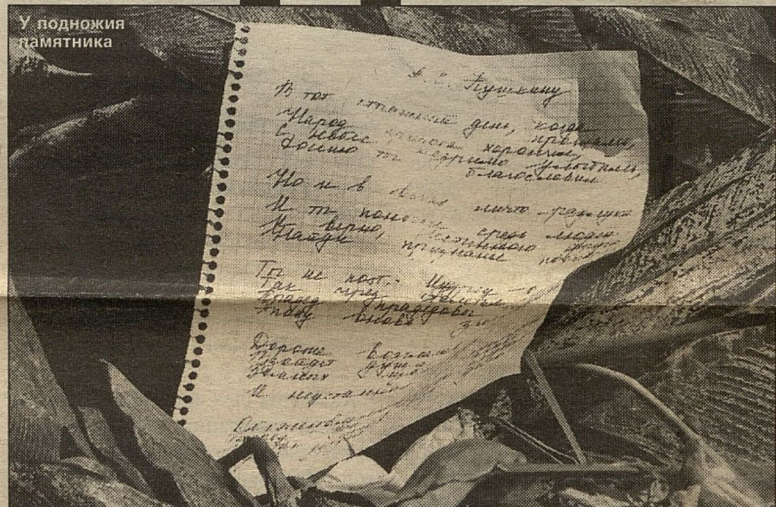
«Скупой рыцарь» рассуждает: «Нас уверяют медики: есть люди, В убийстве находящие приятность.

СТИХОТВОРНЫЕ СЮЖЕТЫ ПУШКИНСКОЙ ЖИЗНИ

Моск. новости — 1999-1-7 июня — с. 23.

Сам предсказал себе СУДЬБУ

Когда я ключ в замок влагаю, то же Я чувствую, что чувствовать должны Они, вонзая в жертву нож: приятно и страшно вместе... Разумеется, это вечно, и все же думаешь и о тотальных убийцах и грабителях нашего столетия. В чистосердечных мемуарах эсэсовских утилизаторов трупов, в инструкциях зондеркоманд часты слова о доблестном выполнении долга. И вот выплывает непростое переживание убийцы Моцарта: «... и больно и приятно. Как будто тяжкий совершил я долг».

«Два чувства дивно близки нам — В них обретает сердце пищу — Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам. Животворящая святость! Земля была б без них мертва, Как пустыня И как алтарь без божества». Видим, что в этом великом восьмистишии, оставшемся среди черновиков, не хватает одного слова и, разумеется, не случайно. П. колебался, выбирая эпитет. И все же думаю, что прежде всего он имел в виду слово «обожженная». Такого требования звука. Естественно, это лишь предположение профессионального стихотворца.

«Спой мне песню, как синица Тихо за морем жила; Спой мне песню, как девица За водой поутру шла». Стихи кажутся простыми, и в самом деле в них есть простота. Но обжигающая сердце. Кто не чувствует поэзии, заключенной в этих словах и вовеки непередаваемой, тот непоправимо чужд музыке русской речи и, видимо, равнодушен к русской жизни.

В отрывках из «Путешествия Онегина» вдруг возникает неприятный, очень русский пейзаж: «... Люблю песчаный косогор, Перед избушкой две рябины, Калитку, сломанный забор, На небе серенькие тучки, Перед гумном соломы кучки...» и т. д. Это напоминает уже лермонтовскую «Родину», которой предстояло быть написанной через десятилетие. Но и в великих стихах Ахматовой «Ты знаешь, я живу в неволе...» почти через век еще возникнет та же томительная интонация, связанная с «неживописной» (по утверждению Анны Андреевны) местностью.

В последнем из стихотворений П., посвященных Дню Лицея, «Была пора: наш праздник молодой...», оставшемся недописанным, выражена непрерывная смена настроений. Сначала взят тон, соответствующий общему сожалению старых друзей об утраченной младости. Но вдруг его пронзило высокое вдохновение, идущее от живых воспоминаний. Голос и стих приобрели мощь: «Чему, чему свидетели мы были! Играница таинственной игры. Метались смущенные народы И высились и падали цари; И кровь людей то славы, то свободы, То гордости багрила алтари». Какие видения: царь, открывающий Лицей, приветствие свободноголюбивого Куницына, а вот и «гроза двенадцатого года»... «Вы помните: текла за ратью рать, Со старшими мы братьями прощались И в сень наук с досадой возвращались, Завидуя тому, кто умирать Шел мимо нас...» В сло-

ве «умирать», ставшем рифмой, — подлинный энергетический центр стихотворения.

Но П. продолжает, он говорит об ушедшем царе... Надо заметить, что, в полной мере испытав силу прихотей своего державного цензора, поэт, очевидно, уже втайне пожалел о предыдущем царствовании. Столкнувшись с деспотизмом Николая, стал невольно отдавать должное либерализму Александра. В «Капитанской дочке» (последние ее строки дописаны в тот же День Лицея 19 октября 1836 г.) царствование Александра названо «кротким». Тем не менее личной неприязни к властителю слабому и лукавому П. преодолеть не в силах. А уж «Сии сады, сии живые воды, Где проводил он славный свой досуг» — просто издевательство. Вспомним лицейские стишки «На Баболовский дворец»: «Прекрасная! пускай восторгом насладится В объятиях твоих российский полубог. Что с участием твоей сравнится? Весь мир у ног его — здесь у твоих он ног». Собравшиеся двадцать лет спустя лицеисты вспомнили славные досуги царя, проводимые с дочерью придворного банкира. «И нет его — и Русь оставил он, Взнесенну им над миром изумленным». Здесь нет и приличной случаю печали, лишь констатация факта, в которой, пожалуй, куда больше отчуждения, чем в упоминании Наполеона, угасшего «на скале изгнанником забвенным»... В начале николаевского правления жесткая прямота нового самодержца была желанна, ведь опустылено двучилие... «И новый царь, суровый и могучий...» П. пытается из

себя выдать хвалу, но... «На рубеже Европы бодро стал». Тут какая-то несерьезная расторопность. Можно, конечно, учесть, что это слово о монархе произносилось и раньше: «Он бодро, честно правит нами...». Но в стихах 1828 года («Друзьям») как-то больше было упований. В том-то и дело, что для бывшего «Героя» не находится новых слов. Нет силы продолжить. «И над землей сошлись новы тучи и ураган их...». Ну, здесь не может быть сомнений, какое слово осталось недописанным. Разумеется, «разметал». Но поэт утратил интерес к теме. Настолько, что не дописал одного явного слова. Осталось извиниться перед слушателями, что и было сделано на дружеском вечере.

«Лишь я, таинственный пловец, На берег выброшен грозою, Я гимны прежние пою И ризу влажную мою Сушу на солнце под скалою». Это «Арион», год 1827. Прошло восемь лет, прежние гимны совсем уже неуместны под солнцем иного царствования: «Последняя туча рассеянной бури! Одна ты несешься по ясной лазури, Одна ты наводишь унылую тень, Одна ты печалишь ликующий день». Прежде всего это стихи о природе, вот именно о последней туче... Но пушкинисты изнурились в поисках деятеля, к которому аллегория могла бы относиться. Похоже, однако, что эти стихи о себе самом. Во всяком случае, они и о себе. Сказано как-то обреченно: «Довольно, сокройся, пора миновалась, Земля освещилась, и буря промчалась, И ветер, лаская листочки древес, Тебя с успокоенных гонит небес». Да, «Туча» написана тем П., что на парадной лестнице стоит с обольстительной Натальей Николаевной перед зеркалом и смотрит на веселящееся общество затравленными глазами. Много думает о смерти, в те же дни заканчивает перевод стихов Шенье о самосожжении Геракла... Он, по словам Ходасевича, «Уж и возвышенным и низким по горло сыт...». Накапливается смертельная усталость, что выступит на посмертной маске.

«Я скоро весь умру», — обреченно возвещает Шенье в пушкинских стихах, ему посвященных (1825). И все же вручает друзьям рукопись... В творчестве П. был эконом, об этом писал Ходасевич («Поэтическое хозяйство Пушкина»). Счастливо найденные строки, бережно выраженные не раз повторялись, переходили из произведения в произведение. Но менялись настроения, интонации, перестраивался контекст. В конце жизни он уже не был «афеом», и предсмертная исповедь, как бы навязанная поэту царем, на деле была для П. собственной душевной потребностью. Но и признание евангельской истины, и чистосердечное покаяние не обязательно давали надежду на воскрешение во плоти. Только в одном виде бессмертия поэт мог быть уверен, и эту уверенность он выразил в «Памятнике», споря со старыми своими стихами и повторяя при этом старые слова: «Нет, весь я не умру — душа в заветной лире Мой прах переживет и тленья убежит...»

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ
(Печатается в сокращении)
Фото Льва МЕЛИХОВА из серии
«Москва. Пушкинская площадь»

